

Николай Ольков

ЧИСТАЯ ВОДА

Повести

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2024

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44
О56

Ольков, Н. М.

О56 Чистая вода : повести / Николай Ольков. — Минск : Четыре четверти, 2024. — 240 с.
ISBN 978-985-581-667-7.

Впервые увидевшая свет в Беларуси книга известного писателя Николая Олькова включает произведения, высоко оцененные читателями после публикации в лучших русских журналах. Его называют мастером большого масштаба, а его прозу — гениальными произведениями XX–XXI веков. Лаврентий Акимушкин, герой повести «Праведная душа», страдает, встречая в ответ на свою искренность и доброту смех, грубость и хамство окружающих. Возможный выход — пребывать в состоянии, близком к безумству. Григорий Канарков, главный герой повести «Чистая вода», — представитель поколения тех, кто одержал победу в Великой Отечественной войне и кто после строил новую жизнь. Повествование о том времени — это не ностальгия по прошлому, а, скорее, саднящая боль, что тревожит наши души и сегодня.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-667-7

© Ольков Н. М., 2024
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2024

Праведная душа

Дед Максим любил рассказывать эту историю, он был самым старым в деревне и, пожалуй, один помнил деда Маркела и его повествование:

— Деревня наша как будто убежала от кого. Да она и на самом деле пыталась от большой воды схорониться, спервоначалу обосновалась между двух озеринок, так, ежели сурьезно, то лужицы, не больше того. На этом берегу чихни — с того здоровья пожелают. Но рыбешка в них водилась, опять же не из благородных, но едовая, во всех видах съедобная. Имя ей будет карась, ни седни, ни вчерась. О рыбе этой и как ее добывают, а пуще того, как поедают наши деревенские, я как-ниабудь особо распространюсь, а сейчас — про деревню. Сказывал эту быль дедушка покойный, а он сто пять годиков прошарашился по земле, в семьдесят женился на молодухе, да еще двоих ребятишек изладил. Знамо, шептались, что помогли, мол, добры люди, но, когда ребятишки подрастать стали, сумлений не сделалось: наших кровей, что парень, что девка. И взгляд суровый, и речь с хрипотцой, как будто скомандовать чего хотят либо дельное посоветовать. Тогда и разговоры утихли. Да чего об этом, молодуха каженное утро с улыбочкой на крыльцо выходила, потянется, бывало, аж в пояснице хрустнет.

— Ты бы, Апросинья, морду-то с утра не кривила, все хошь чего-то изобразить непонятного, — проворчит поране вставшая Евдокея, снохой она доводится Апроше, хотя годков-то поболее будет. Двор один, управа у каждого своя. Вот надо же, как жили: отцов дом — как корень, сынов — рядом, другого сына — обочь, дочь замуж выдали — желательно и зятя припрячь, и ему дом.

А ограда больша, заплотом обнесена, в каждом углу навес, рядом тепляк для коров с телятишками и легкий двор для лошадей. Так вот, дед Маркел Епифантьевич как-то рассказывал, мы еще сопливые были, а слушали люди справные, солидные, и мы между них. Сказывал, что отец его, Епифан Демидович, шел в эти края аж от Онежского моря, он грамоте был обучен сурьезно, показывал мужикам холстину, по которой изображен был тот путь. И за место это земельному начальнику преподнесена была икона древнего северного письма, вся в золотой ризе и камнями изукрашена. Начальник тот за подарок поклонился, икону развернул от рукотерга расшитого и приложился трижды с крестным знаменем. Сказал, что примет и сохранит, а как церковь построит общество, то привезет икону и на коленях к иконостасу приставит. Так и сделал потом, не обманул.

Первые дома срубили по внутренним берегам озерков, хоть тот человек упреждал:

— Мужики, не льстите на видимую удобницу, не жмитесь к воде, потому как бывает в пять годов раз большая вода.

Наши, конечно, понятия не имеют, с водой знали с мальства, вперед плавать умели, чем ходить, а тут пугают. Но человек разьямачил, что большая вода стихийно приходит и все забирает, и живое, и недвижимое. А приходит потому, что в дальних китайских краях с гор истекают ручьи, в казахских горах весной воды вниз падают, тихой рекой приходит вода в долину и так же тихо вытекает к северным морям. Только случается, много снега и льдов плавится под горным солнцем, воды смывают и скот, и посевы, людей смывают, аулы и кишлаки, под заунывный плач осиротевших баб вода скатывается в долину, и нет тут ей никаких преград. Высоченным валом идет, со льдом, звуки издает пугающие. Диковинные и жуткие рассказывал человек истории, что и стога неслись, и бани, и мосты сланские со скотиной, и даже волчица с выводком спасалась на вывороченном плетне. Через три лета случилось: ночью загрохотало, как майский гром, хотя какой гром — апреля середина. Повыскакивали, и при ясной луне

узрели наиболее глазастые, что белый вал идет на деревню. Ну, вал — дело знакомое, только в море можно баркас в лоб волне поставить, а тут дома, скотина и ребятишки. Сообразили, запрягли телеги, орду побросали, барахло какое — и в гору. Скот тоже погнажи, лошадей выпустили, те поумнее, сами спасенье найдут. Двух улиц лишились, вот тогда и подалась деревня в гору. Получилось, как будто разбежалась, да силов не хватило, так на полдороге и остановилась.

Вот так мы в этих краях образовались, так и род наш попер, слободный да работающий. Акимушкины далеко знамениты были маслом коровьим живым и топленным, купцы, сказывали, для чужих земель сторговывала пудами. А еще мясом, да пшеничкой, да мукой-крупчаткой, такой, что булки из той муки, бывало, хозяйки из печи вынуть не могут — так поднялись, что не входят в печное устье. А отчего? Оттого, что робили мы от зари до зари, на солнышко не заглядывали, а только по команде старейшего можно было остановиться. Вот и вам, ребята, предстоят дни и годы трудов и радостей на родной матушке сырой земле.

Ты, Лавруша, совсем маленький, слушаешь, и сладко тебе от той истории и того завтрашнего радостного дня, который обещает дед Максим, старый и седой с головы до бороды, даже брови кустистые взялись белизной.

Сможешь ли ты вспомнить, Лаврентий, напряги тугой звенящей струной свою память, до мозгового простука, до физической боли напряги, отринь все земное, но вспомни, накормил ты тогда солдат пригоревшей своей кашей? Накормил или нет? Если опять придет убитый ротный, что ты ему скажешь? И нет тебе покоя, тысячу раз проклятый и прославленный простым солдатом повар, от которого зависела половина жизни ребят! Они всегда ругали тебя, что в санчасть бегаешь к девчонкам, а каша в это время от возмущения вся горит. Ругали, конечно, шутейно, у кого на войне язык повернется против повара, а тем паче — рука. Поваров не били. Но ты-то знаешь, что следовало бы иногда выправлять нехорошую

линию ихнего поведения, когда, к примеру, в соседнем батальоне повар сахар вполовину стаскал связисткам, и масло тоже. Ты ведь тоже получил ко дню рождения товарища Сталина пол-ящичка молосного, у вас в деревне не называют сливочным, а молосным, ну, молочным бы надо, да и так ладно. Ты все поделил и раздал, рядом со старшиной — тот спирт разливал. Так и отпраздновали хорошо, если не считать вечерней атаки налетевших мотоциклистов и троих наших, которым ты тоже копал неглубокие ямки.

А в тот злопамятный день варил ты перловку с зайчатинной, что утром снайпер Вася из северных народов принес, бросил у тележного колеса:

— Вот, Лаврик, добавка к паре фрицев, уже на свету выскочили порезвиться, ну, я и не устоял. То ли охотничья заросшая страстишка пробилась, то ли мясного захотел. Обладить-то умеешь?

Ты тогда сильно возмутился:

— Да я этого зверя столько туш перевешал, что счету нет! Что мне заяц? Я кабанов драл, лося самолично свеживал, до медведя дело доходило...

— Не дался медведь? — устало спросил снайпер Вася, широколицый, узкоглазый, суровый с виду, добрый, как ребенок, а вот кто научил под шкуру лезть? Конечно, около русского брата хватался, приемыш хренов. Пришлось отвечать, иначе при ребятах припозорит:

— Я, Вася, на медведя не ходил, это он на меня вышел, когда мы с семьей сена косили в лесах. Вечерком пошел я в кусты, присел, как положено, тоскую. Тишина такая, что даже комаров нет. Выпротался я во весь рост, а он передо мной стоит, и морду приподнял, нюхает. Думаю, и спасло то, что сотворил дух ему неприятный, фыркнул он от брезгливости и подался в лес.

Вася не смеялся, только ощерил свои желтые кривые зубы и чиркнул слюной:

— Медведь умный.

Ты так возмутился, аж соскочил со своей чурочки:

— Умный! А я потом с кукорок не вставал всю ночь.

Вася уже почистил винтовку и котелок подает. Осталось с утра каши на доньшке, остатки сладки заскреб, к огню поставил, ложку масла плеснул из бутылки.

— А куда батарею девал, повар? Разбежался народ?

Ты объяснил, что дан был приказ сниматься с позиции и уходить в направлении поселка, это километров пять. А ты оставлен готовить обед, потому что после перехода, возможно, батарея сразу вступит в бой, а после боя у солдата две нужды: пожрать и поспать. Вот первую и обязан удовлетворить — так, кажется, сказал капитан, ухвативший на всякий случай банку американской тушенки.

Ты еще вчера заметил под леском кучки земли от сусличиных норок — значит, живут большим семейством. Место высокое, хлеба года два никто не сеял, но из падаликаросло, сам на ходу ухватил горсть — пшеничка никакая, колосок жалкий, зернышко сморщилось, усохло, но все хлеб, если совсем ничего. Тем и пробивалась сусличиная порода. Ты же в молодости на всякую охоту был способен, особенно после коллективизации, когда и корову, и овец, и все тягло забрали, и землю, и запас зерна. Кто похитрей, сбегнул пашеничку втихую киргизам петропавловским, и скота много сумели увести, пока доперла власть, что очищается единоличник от содержания, как умирающий при последнем издыхании выгоняет из себя все, чтобы пред Богом предстать в чистоте телесной, а до душевной — другое дело. И твой отец был не из праведников, сказал, что хоть всякая власть и от Бога, но дожидаться не стал, все хозяйство спустил с рук, в сусеках можно в чикку играть. Пришлось голодовать вместе со всеми, вот тогда и подсказал старик Шатила, одинокий, безобразный:

— Пошли, Ларька, со мной, научу тебя от голода спастись.

Пошли вы вечером на Кизилровку, тут раньше ребятишками сусликов из нор выливали. Днем зверьки по домам сидят, вот ребетня и льет в нору воду. Бывало, что папаша ихний хлебает, сколько может, а потом вылезит и бежит в сторону, раздутый и страшный. Ткнет кто палкой в брюхо — вся вода вытечет. А семейство той минутой в разбег, кто куда. Выходит, спасал папаша

семью свою, во как. Бывало, выльют в нору одно ведро, за другим сбегают в соседнюю лягу, а нора уж полная. Только потом объяснил Шатила, что суслик своим телом перекрывает нору в узком месте, а другие тем временем спасательный ход роют.

Шатила показал, как надо петли вязать, чтобы суслик обязательно попался, как петлю крепить, чтобы зверек с ней не убежал. Ты тогда все перенял и тех сусликов носил домой по паре, а то и по две в день. Мать поначалу отказалась суп варить из нечистого мяса, но отец — молодец, растолковал, что суслик есть суть чистойшей животины, потому как пташка божия, питается природным зернышком. Ты тоже поначалу брезговал, морду воротил, а с голодухи как-то хлебнул ложку, вслед другую — ничего, получилось. А суп в самом деле наваристый был, приходилось на засов запираяться, чтобы не увидел кто случайно да не сдал властям, что свинину жрут втихоря от остальных голодных колхозников. Кроме того, Шатила научил выкапывать по осени сусличьи гнезда, в которые они натаскивали запас зерна на зиму. Ты сильно удивил и напугал отца, когда приволок в мешке не меньше пудовки пшеницы. Перехвати недобрый человек — тюрьма...

Вася поел каши и выпил кружку чаю с сахаром, винтовку свою рядышком положил и, как с молодой женой в обнимку, уснул. Велел только разбудить и с собой взять, когда к поселку поедешь.

Что же далё? Ага, сходил на свой помысел, трех штук принес, быстро освежевал, в отдельном котелке сварил, обобрал мясо, а кости прикопнул: не дай Бог, кто увидит — со свету сживут. Варёво то в котел кинул, смотришь — и зайчатина повеселела, верх мелкими звездочками подернулся. Хлебнул ты того кондера и удивился: до чего к душе, вот порадуются мужики!

Ты тогда еще насобирав дровец, валежника разного да прутьёв. Это хорошая была привычка, потому что на новом месте, случилось, вообще никакого топлива не оказывалось, а то еще чище — дождь пойдет. А солдат и в ненастье есть хочет, похлеще, чем в ясный день. Потом Васю поднял, тот на повозке приспособился за теплым термосом и захрапел. Ты тогда еще травки подкосил для

Серухи — лишней не будет, запас карман не трет, поймал гулявщую рядом кобылу, запряг в повозку, сел на облучок и покатил. На ходу соображал, что хлеба еще и на завтра хватит, а если не подвезут, то мешок сухарей всегда в запасе, заварка есть, да для чая сейчас смородинный лист — милое дело, кто понимает. И неожиданно для себя улыбнулся: елки-палки, это же тебе шибко повезло, что бывшего кашевара особист увел, сказал, что лазутчики кинули в батарейный котел какую-то яду, от которой сдохли бы все мужики, а повар то ли в сговоре, то ли бдительность посеял. Жранину ту вывалили в яму и зарыли, солдатиков тушенкой отоварили, банку на двоих, а повара того больше никто и не видел. Поговаривали, что офицеры трехлитровую фляжку спирта ночью под ей-богу выпросили у кошевара, а после трекнулись. Почему фляжка у повара сохранялась? Да, видно, старшина попросил придержать, сам куда-то отлучался. Вот отчего старшина именно тебя избрал из всех — то неведомо. Угодил, видно, когда-то, вот и поручил. Сказал, что варить научишься по ходу жизни. Пару дней терся тут паренек вихрастенский из соседней батареи, подучивал. Конечно, кое-что ты ухватил, а там понеслась.

Вон батарея, под деревней обосновалась — удобная позиция, фашистам за домами не видать. Ребята уж земли нарыли горы, тут и под орудия, и для землянок, и ходы сообщения. Кухню увидели издалека, кое-кто приветно пилоткой помахал. Ты уже и место выбрал, где остановиться, и термос открыл, и даже запах мясной вкусный уловил, вроде даже двоим-троим успел в котелки положить... Или не успел?

...В мирной еще жизни случались в деревне драки. Были два брата Казаковы, Илья да Григорий, как подопьют, непременно драку надо учинить. Да не просто так, а чтобы на всю деревню. Колья из огородной изгороди выламывают — и искать себе супротивников. Ведь находились! Совсем из другой кампании мужики, слова против не сказали казачатам, а тоже — жердь пополам, и в Бога мать! Вот при такой драке ввязался твой дядя Проня, не из драчливых, но шибко выпивши был, баба не усмотрела, как он кол сгреб и Гришку повдоль спины отоварил. Гришка взревел,

Ольков Николай Максимович

Родился в 1946 г. в селе Афонькино Тюменской области.

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в 1976 г.

Автор двух десятков повестей, многих рассказов и историй. Его произведения печатались в журналах «Подъем», «Берега», «Новая Немига» (Беларусь), «Бийский вестник». Книги издавались в Москве,

Кургане, Омске, Вологде, Екатеринбурге, Тюмени.

Отдельные произведения отмечены всероссийскими премиями, в том числе «Имперская культура» и имени В. И. Белова.

Живет в селе Бердюжье Тюменской области.

Содержание

Праведная душа	3
Чистая вода	112
<i>Об авторе</i>	238